

Начальнику Осихинского районного архива.
Здравствуйтесь, дорогой товарищ начальник!

С горячим приветом и массой наилучших пожеланий к Вам и Вашему семейству бывшая труженица колхоза им. Сталина, а ныне пенсионерка д. Новопетрухино Прииртышского совхоза Шипицына Марья Савельевна.

Во первых строках моего письма, простите старуху темную, что не знаю Вашей фамилии, а также, как звать-величать. У кого из своих деревенских ни спрашивала, никто не подсказал. Не обессудьте: деревня наша махонькая, молодых раз-два – и обчелся, а с нас, гнилушек старых, какой спрос – мы и свои фамилии потихоньку забываем, потому как живем по старинке, друг дружку больше по кликухам знаем. Вам, человеку со стороны, наверно, покажется дико, а нам ничего – привыкли, будто так и надо.

Уж я совсем, было, отчаялась, не ведая Вашей фамилии, да, спасибо, квартирант Костя Шильников надоумил написать прямо на архив. Вы, товарищ начальник, моего квартиранта, должно быть, знаете. Его всякий в Осихине знает. Шоферил в сельхозтехнике, три осени кряду в нашу деревню на уборочную приезжал да и остался. Ради фельдшерицы Каги Полозовой. Катерина – девка видная, с дипломом. Но привередница, каких свет не видывал. Попервости глазки строила-строила, хвостом вертела-вертела, а как достроилась, довертелась, стронула парня с места, так назад пятки. Говорит, что больно Костя пресный, скучный. А чего зря хаять? На работе не нахвалются, не бражничают, не хулиганит. Парень, каких мало!

Катерина раньше-то частенько забегала. Попроведует, давление измерит, укол, когда надо, поставит. А как с Костей разругалась, стороной обходит. Прокопается вот в ухажерах-то, будет ногти крашенные грызть. Дюже парня жалко. То, бывало, вечерами дома не увидишь, а теперь на диване лежкой лежит, книжки толстые читает. Целую гору начитал, сильно на них разозлился, кабы худо с головой не сделалось... Я вот множко ль покарябала, а зашумело в голове, круги пошли перед глазами. Опять давление скокнуло...

Однако, сильные таблетки Катерина прописала. Одну намедни проглотила, и смануло меня в сон.

А еще простите, что пишу, как курица лапой. Глазыньки мои от горькой жизни совсем никудышными сделались – строчки на бумаге расплываются. Да и грамотешки чуть-чутьочек. Ни единого денечка в школу не ходила, век на свете пешкой прожила. В школу время подошло, я, дуреха, в слезы: милые маменька с тятенькой, буду по хозяйству помогать, сестренки буду нянькать, что хотите, делать стану, только не учиться. Пуще смер-

тушки школы боялась. От горшка два вершка была, когда мама-покойница – царство ей небесное – показала, где ее брательника, дядю, значит, моего, колчаки насмерть застрелили. Сперва плетками в деревне исхлестали, а потом озлились и в кустах за школой застрелили. Я мимо ходить и забоялась. Кого еще понимала-то? Тяте по уму-то взять бы в руки дрын хороший да тем дрынлом гнать меня, соплюху, до порога школы. Но родители иначе рассудили: не реви, глупышка, знать, не суждено всем ученыМИ-то быть, кому-то и хозяйство надобно вести. И то: нас у мамы с тятьей пятеро росло да, как на тятину беду, все девки, я третья по порядку.

Хозяйство большое держали. А как прожить иначе? Такую, как у нас, ораву, прокормить, обуть, одеть надо было исхитриться. Уж за то маме с тятьей спасибо и низкий поклон, что по миру нас не пустили. Если Вы, товарищ начальник, человек пожилой и крестьянского сословию, то мне ли Вам расписывать, какая наша учеба была. И каково мне в жизни пришлось неученой...

Я свою грамотешку всю жизнь потихоньку осваивала. В покос перед войной меня к поварихе приставили. Колхоз поначалу хиленький был, откудава сразу богачеству взяться? Кормежку варили покосникам жидкую, а мужики петрухинские – лбы, как на подбор, да на вольном воздухе промнутя, им только подавай, быка зараз умолотили бы. Из дому кто яичек, кто сальца, кто молока прихватывали. А больше, конечно, картошки родимой, она завсегда у нас удавалась – в худые годы яму насыпали. Повариха поспать здорова была. Вот и раззевается: ты, Марейка, с картошкой управься, а я малость подремлю, ночью что-то не поспалось. Ляжет и задаст храповицкого, а я за картошку, чтоб к обеду успеть. Сижу себе да чищу.

И вот однажды призадумалась, не заметила, как на картошинах букочки вырезала – «А» и «М». Аня, значит, и Маруня. Были в нашей бригаде Аня Веселова и Маруня Лизунова. У Аннушки картошка крупная да здоровая, что твои поросята, а у Маруни – мелкая, в ростках, и всегда издряблая...

Вырезала и оторопела. Стукнуло мне в голову, как слова из буквочек складываются. К Марунечкиной – Аннушкину, будет тебе «МА», а повторить – и «МАМА». Вскочила да и в пляс. Руки зазудились, давай «ТЯТЯ» вырезать. Заигралась, не увидела, как покосники приехали. Картошка не отварена, я в букварь играю. Повариху растолкали, та расчихалась и – в крик. Я, понятно, в слезы. Мужики, спасибо, заступились: не плачь, Марейка, вари свою азбуку! Смех и грех. Вот, товарищ начальник, какая была моя грамота, злomu татарину не пожелаю. Внучке рассказала, как азбуку осилила, так призадумалась девочка: «Трудная твоя азбука, бабушка!». Как не трудная? Еще какая трудная!

Товарищ начальник архива, простите, что письмо нескладное и долгое выходит. Третий вечер у оконушка за столом слепую, а конца не видно писанине. Я все одна и одна, квартирант не в счет. Парень всем хорош, да молчун невиданный. Год, как квартирует, а не разговорится. А мне, старой, так-то одиноко станет иной раз!.. Много ль надо старушонке? О своем поплачусь, на душе и полегчает. Вот и карябаю, будто с живым человеком

балакаю. Всю свою жизнь описала б, да боюсь, на то бумаги и сил моих не хватит. Рученьки устали, глаза, как у Яхи Растопчина с похмелья, слезятся. Покуда из строя не вышла, спешу закружляться...

Я чего пишу-то? Где-то сразу после войны многие наши колхозники были награждены трудовыми медалями. Среди награжденных за доблестный труд была и я – Петрухина по девичьей фамилии. Лучшие лета на войну пришлось, а как она, Победа наша, в тылу ковалась-доставалась, про то, поди, не хуже знаете. Медаль вручал Иван Багурин из райцентра. Фронтвик, мужчина обходительный. Мало в жизни таких-то мужиков встречала. Каждого за труд благодарил, об ручку с каждым попрощался. Всем колхозом провожали...

Не сохранила я медаль. Почему не сохранила – долгая история. Не считите за труд, поднимите архив, подтвердите награду. Пока мало-мальски шаперюсь, хочу в хозяйстве прибраться, в богатстве своем порядок навести. Перемерем, кто за нас похлопочет?

Еще раз простите, что отрываю от дела бестолковой своей писаниной. Жду ответа, как соловей лета.

Ко всему, пенсионерка Шипицына.

2

Начальнику районного архива.

Лети с приветом, вернись с ответом!

Здравствуйте, дорогой товарищ начальник! С чистосердечным приветом опять я, старушонка настырная. Во первых строках моего письма, простите, что пишу, не дождавшись Вашего ответа. Душа моя не терпит. Я к осени совсем никудышной становлюсь, еле ноги волочу, вся снутри больная. Вскоре после письма слегла в совхозную больницу – думала, не оклемаюсь. Верунька забегала, дочка с зятем навещали, даже Костя-квартирант захал попроведовать. Вот тебе и пресный! Вот и равнодушный! Видно, с добрым сердцем, да Катерина извела...

Вот Костя мне и говорит: зря, Савельевна, хлопчешь, от медальки проку тебе мало. Другое дело – Яхе Растопчину. Тот, как поддаст, медаль «За отвагу» на грудь и полный вперед к магазину, и все перед ним расступись – льгота позволяет. Квартиранту что забавно? Что век свой бабка без медальки прожила, а тут вдруг кашу заварила. Вроде бы и верно, к чему вся эта канитель? Только я ведь внученьке медальку посулила. Верунька – девочка сурьезная, в пятый класс учиться ходит. С нею не соскучишься. Звенит и звенит, что тебе колокольчик. Летом гостевала у меня. Сидим у телевизора старая да малая. И показали похороны. Хоронили человека не простого – важного: то ль министра какого, то ли генерала, а то бери и выше. Музыка тоскливая играла, народу шло за гробом видимо-невидимо, во всей деревне нашей столь уже не наберется. И люди все солидные, не с нами в ряд поставить. А впереди военные несли черную подушку, всю в орденах-медалях. Сказали,

что покойник с 21-го году рождения. И жалко мне стало его, как своего деревенского. Ведь Степан мой – царство ему небесное – тоже с 21-го. Обоим еще бы пожить, да, видно, так на роду этому году написано...

Я на чем вчера остановилась-то? Да, вот и жалко мне стало человека. Видно, много он добра поделал людям, если столько народу проститься пришло, к плохому не придут. А внучке любопытно: зачем дяденьки военные медали-ордена несут? А затем, отвечаю, чтобы все увидели, какой человеку почет и уважение. Трудную жизнь дедушка правильно прожил. А ты, бабуля, правильно жила? – внучка-то моя! Если правильно, где твои медали? Вот ведь задала вопрос! Ребенок, что хотите. Столько, сколько дедушка, я не заслужила, отвечаю внучке, но одну, мол, заработала. «За доблестный труд» называется. Верунька и пристала: покажи да покажи. А показать и нечего... Знаете, наверное, какво дояркой быть. С темна до темна на ферме, а детишки беспризорные. Дочери послушными росли – девчонки есть девчонки, а младший – Толик – бедокурил. Дома остался один, из голика-веника костер на полу сложил, соломой сверху притрусил, а на солому – хрюшку казеиновую. Видел, как сосед Сахнов Тимоха хряка осенью смолил. Хрюшка полыхнула, огонь на занавеску. Толик мой переполохался и – деру. Тимоха с Растопчиным Яхой дым из окошка увидели – стены лишь и отстояли, все, что было, погорело.

Товарищ начальник архива! Пособите мне, неугомонной, до конца своих дней благодарная буду. Остаюсь жива-здоровая, чего Вам и Вашему семейству от души желаю!

Ко всему, пенсионерка Шипицына.

Новопетрухино Осихинского района.
Шипицыной М. С.

Настоящим сообщаем, что в Осихинском районном архиве документы за 1937–1956 гг. не сохранились.

Ваш запрос послан в Среднесибирский областной архив.
Зав. райархивом Чередова.

Начальнику Среднесибирского областного архива.
Горячий привет из Новопетрухино!

Здравствуйте, дорогой товарищ начальник! Во первых строках моего письма, Вы, наверно, догадались, с какой великой просьбой обращаюсь. Пождала-пождала я Вашего ответа на запрос районного архива и не утерпела, за что прошу великодушного прощения. Уж больно хочется скорей чего-нибудь дожидаться. Ведь я чего переживаю-то и Вам покоя не даю? Вот хоть убей, не понимаю, где же наши документы и как так – не сохранились?

Куда ж они девались? Ладно, если к Вам на сохранение сданы, а если не сданы? Много разных думок передумала. Это раньше думать было некогда... И вот что мне надумалось: помрем, так ведь без документов все, что пережили, переврут да перепутают. Никто не разберет, где правда, а где ложь. Жалко, если эти годы без следочка канут, как мой колхозный стаж. А мой колхозный стаж пошел коту под хвост. До сих пор не понимаю, пошто наш труд за труд не посчитался? Можно ли из памяти вычеркнуть такое? Какое сердце надобно иметь, чтоб вычеркнуть не дрогнула рука?

Квартиранту вот пожалилась, а ему смешно. Какая разница, сказал, если общий вдвое перекрыла? Верно, перекрыла. На две пенсии стажу наработала, денечка просто так не посидела, и еще бы робила, кабы не обезручила. Но обидно, что наш труд ничего не стоил... Что внученька о бабушке узнает? Древнюю историю проходит, а к нашей и не подступилась. Я об этом тоже думаю: с того ли краю дети за историю взялись? С мартышек, от которых, прости Господи, род людской пошел. Все это, может, по науке, но все равно не так. С другого краю бы приняться, пока старичье еще живо. Время-то уходит! В деревне стариков заметно поубавилось. Из фронтовиков, однако, двое и осталось: Сахнов Тимоха да Растопчин Яха.

Простите, товарищ начальник архива, что строчки заплетаются. Хоть чуточек поволнуюсь, глазыньки не видят, очки не помогают. Голова опять же разболелась. Однако Костю-квартиранта пошлю за Катериной...

На этом закругляюсь, жду скорого ответа.

Ко всему, пенсионерка Шипицына.

Новопетрухино Осихинского района.

Шипицыной М. С.

В акте вручения медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Осихинским райисполкомом колхозникам колхоза им. Сталина значится Петрушина Мария Савельевна.

Петрухина (Шипицына) в акте не значится.

Списки колхозников, представленных к награждению, в архив не поступали.

Директор архива Огородников.

Директору Среднесибирского архива.

Дорогой товарищ Огородников!

С пламенным приветом к Вам и Вашему семейству пенсионерка Шипицына. Во-первых строках моего письма, Ваш ответ получила, за что сердечное спасибо, не знаю, чем благодарить. Остались люди добрые, не все перевелись! Недаром, значит, хлопотала,

ноченьки высиживала. Если б знали Вы, товарищ Огородников, какую радость мне великую доставили!

Ответ угодил в аккурат на квартирантову свадьбу. Народу много съехалось. К Катерине городские, с жениховой стороны почти пол-Осихина. А главное – Костина мама приехала. Как увиделись мы с нею, так и бросились друг к дружке, обнялись, наплакались. Всю войну в одной бригаде проишачили, замуж вышли – растерялись. Лена Шильниковой стала, я – Шипицыной... Верочке ответом Вашим похвалилась, то-то радости было звоночку – в каждом письме о медальке справлялась.

А то, что в акте значится Петрушина – ошибочка, товарищ Огородников. Колхозница Петрушина – это я, Петрухина. У нас в деревне все Петрухины, Петрушиных не помним. А чтобы Вы поверили, шлю Вам фотокарточку. Растопчин Яха подарил для доказательства. В день вручения медали нас всех сфотографировали. Чтоб Вы сразу меня разглядели, себя обозначила крестиком на кофточке. Не смотрите, что на карточке я сжалась, как вобушка, – с непривычки оробела.

Исправьте мне ошибочку, товарищ Огородников. Низкий Вам поклон за хлопоты!
Ко всему, пенсионерка Шипицына. .

Новопетрухино Осихинского района.

Шипицыной М. С.

ВТОРИЧНО.

В акте вручения медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг». Осихинским райисполкомом колхозникам колхоза им. Сталина значится Петрушина Мария Савельевна.

Петрухина (Шипицына) в акте не значится.

Директор архива Огородников.

5

Начальнику Ленинского РОВД Среднесибирска.

Уважаемый товарищ начальник!

На днях в Среднесибирске за нецензурный скандал в областном архиве дежурным нарядом милиции был задержан житель нашей деревни водитель Шильников К. Г. Так как он человек молодой и горячий, то в сердцах слегка переборщил при разговоре с директором Огородниковым. Не одобряя действий Шильникова, просим Вас учесть, что на работе и в быту его знают как облупленного, порядочного парня. Просим сделать снисхождение и освободить его из-под стражи. Надеемся дождаться Шильникова к пятому числу на девять дней Шипицыной М. С.

Ко всему, Веселова, Лизунова, Сахнов, Растопчин, Шильникова...

Ниже – подписи неразборчивы.